

ВИКТОР
СУВОРОВ
АКВАРИУМ

Когда на протяжении семи десятков лет унылые надсмотрщики советской литературы талдычили о социальном заказе и положительном герое, не веря ни одному своему слову, они и помыслить не могли, что можно написать такое. «Аквариум» Виктора Суворова — это признание в любви потомственного офицера своей армии. Посреди сегодняшнего плача и стонов чиновников и милиционеров, депутатов и генералов о том, что им чего-то не додали, не разрешили, эта веселая и злая, упругая и энергичная проза человека отважного потому и производит огромное впечатление. И не нужно производить раскопки на соседних полках и допытываться: а на кого он похож? Ни на кого. Сам на себя. Своей собственной школы человек.

Григорий Файман. Газета «Русская мысль». 7–13 мая 1993 г.

Суворов — яркий, ни на кого не похожий писатель. Он мастерски меняет сцены, внезапно разворачивает действие в неожиданном направлении, понижает тон повествования и вдруг доводит его до громового звучания в духе самой лучшей приключенческой классики... Не смотря на великолепие стиля, причины его побега остаются загадкой. В книге эти причины не нашли внятного объяснения.

London Review of Books о книге «Аквариум». 19 декабря 1985 г.

То, о чем рассказывает Суворов, не придумать. Хочет того автор или нет, книга убедительно доказывает, что советская разведка — лучшая в мире, и не просто лучшая — ее нельзя сравнивать ни с одной разведкой других стран.

Анатолий Гладилин, писатель.
Газета «Новое русское слово». Нью-Йорк, 24 июня 1986 г.

Великолепно. «Аквариум» очарует всех, кто неравнодушен к приключениям, шпионажу, столкновениям характеров, к мужеству и храбрости.

Джон Баррон. Газета The New York Times. 10 июня 1986 г.

К сожалению, в «Аквариуме» нет ничего о жизни разведчиков. Каждый, кто ждет увлекательного повествования, будет разочарован книгой Суворова. «Аквариум» — это нудное сочинение о его карьере, он вспоминает факты из своей жизни, которые никому не интересны, кроме него самого. Книга может вызвать отклик только у тех, кто интересуется советской бюрократией и методами проталкивания разведкой своих людей или вопросом, как советские шпионы пьют водку после выполнения задания. (Они пьют стаканами, стараясь не пролить.)

Газета The Jerusalem Post. Иерусалим, 27 сентября 1986 г.

Художественное по форме, но убедительное по фактической основе повествование Суворова поражает.

Газета «Рабочая трибуна». 17 декабря 1991 г.

— Это и есть тот самый «Аквариум», так подробно описанный в одноименной книге Виктора Суворова?

— Да, этот дом, где вы сейчас сидите, наш бывший резидент называет «Аквариумом». Обратили внимание, здесь много стекла? Вообще-то он когда-то строился под госпиталь. Кстати, настоящая фамилия автора — Резун. Это наш полковник*, лет 11–12 назад сбежавший в Англию.

Заместитель начальника Генерального штаба
Вооруженных сил СССР, начальник ГРУ
генерал армии В. М. Михайлов.
Интервью газете «Комсомольская правда».
23–31 августа 1991 г.**

* Чтобы не навредить друзьям и сослуживцам, свои книги я писал под псевдонимом, который решил никогда не раскрывать (подробнее об этом читайте в предисловии к роману «Аквариум»). В конце августа 1991 года, сразу после провала военного переворота в Москве, мой псевдоним впервые раскрыл начальник ГРУ, назвавший меня полковником. Прошло полгода, и новый начальник ГРУ назвал меня майором (см. следующие цитаты). Прошло еще полтора года, и бывший резидент ГРУ в Женеве назвал меня капитаном. Тенденция налицо. Если так пойдет и дальше, через некоторое время в прессе, вероятно, выступит бывший младший шифровальщик женеvской резидентуры и назовет меня ефрейтором. — *Прим. автора.*

** Это очень примечательное интервью: в нем, как в капле воды, отразилось состояние правящей верхушки Советского Союза в первые дни после поражения августовского путча. Интервью было опубликовано под издевательским заголовком «ГРУ: в «Аквариуме» меняют воду?». Это был первый случай в истории ГРУ (и, возможно, последний), когда начальник этой организации отвечал на вопросы журналиста в своем кабинете в здании штаб-квартиры ГРУ — в «Аквариуме». Только что были арестованы члены ГКЧП, митингующие москвичи демонтировали памятник Дзержинскому на Лубянской площади, приостановлена деятельность КПСС, а ее имущество стало государственной собственностью России. Кажется, что руководители СССР находятся в состоянии шока. Интервью

Литературный псевдоним «Суворов» взял себе бывший майор Резун Владимир Богданович... Что он за человек? В одной из аттестаций записано: самый младший на курсе, но успевает лучше своих коллег, собирает книги по военной тематике для личной библиотеки, имеет второй разряд по стрельбе из автомата Калашникова... Много в его книге выдуманно именно для того, чтобы было захватывающе интересно при сохранении внешнего правдоподобия.

Заместитель начальника Генерального штаба
Вооруженных сил Российской Федерации,
начальник ГРУ генерал-полковник Е. Л. Тимохин.
«Красная звезда». 29 апреля 1992 г.

очень похоже на допрос с пристрастием: журналист, ничуть не стесняясь, задает начальнику одной из самых могущественных разведывательных организаций мира такие вопросы, которые еще месяц назад казались немыслимыми, а тот, словно оправдываясь, прилежно отвечает на них, как нашкодивший школьник, пытающийся угодить учителю:

— Основные задачи ГРУ?

— У нас только военная разведка. <...>

— Запчасти к “Стингерам” — ваше дело?

— Так точно. Наше дело. <...>

— Давно ли вы на должности начальника ГРУ?

— Четыре года. Я не профессиональный разведчик, я чисто войсковой товарищ. <...>

— А теперь традиционный вопрос: что вы делали во время переворота?

— 19 августа меня отозвали из отпуска. Я приехал и доложил, что нахожусь здесь. Кстати, а двадцатое, и двадцать первое августа я провел на работе, никуда не выходил. У нас была спокойная обстановка, занимались, как обычно, своей разведывательной деятельностью за пределами Советского Союза, а не внутри его — это не наша обязанность.

Владлен Михайлович Михайлов, возглавлявший ГРУ с 1987 года, был уволен с должности начальника ГРУ через два месяца после того, как дал это интервью. — *Прим. автора.*

Биография капитана Резуна была безупречной, в его работе и поведении не отмечалось каких-либо настораживающих моментов. Резун во время обучения в Калининском суворовском военном, Киевском высшем общевойсковом командном училищах и в Военно-дипломатической академии Советской Армии имел только положительные характеристики, только с положительной стороны зарекомендовал себя на практической работе в штабе военного округа и в разведаппарате ГРУ в Женеве. Никаких сигналов по линии 3-го управления КГБ СССР (военная контрразведка) и управления «К» КГБ СССР (контрразведка ПГУ) не поступало. В общении с товарищами и в общественной жизни производил впечатление архипатриота своей родины и вооруженных сил, готового грудью лечь на амбразуру... Служебные отношения складывались вполне благоприятно: незадолго до исчезновения был повышен в дипломатическом ранге с атташе до 3-го секретаря с соответствующим повышением оклада, в порядке исключения срок пребывания продлен еще на один год. По окончании командировки Резун знал, что его использование планируется в центральном аппарате ГРУ. В свои 27 лет окончил два высших военных учебных заведения, и для него открывалась перспективная карьера в центральном аппарате ГРУ. Отклонения в нормах поведения, психика, чрезмерные увлечения? Ничего подобного не отмечалось, внешне и внутренне выглядел как преданный Родине и воинскому долгу офицер.

Капитан 1-го ранга Валерий Калинин, начальник 3-го направления
Первого управления ГРУ, временно исполнявший обязанности
резидента ГРУ в Женеве. «Независимая газета». 25 декабря 1993 г.

Резун вел себя подчеркнуто безупречно, многие даже после его побега давали ему положительную характеристику.

Генерал-полковник А. Павлов, первый заместитель начальника ГРУ.
«Красная звезда». 14 апреля 1993 г.

Перед нами уродливая личность, для которой ложь стала средством существования.

А. Л. Дмитриев, доктор технических наук, о Викторе Суворове.
«Военно-исторический журнал». 1993. №10

В его выпускной аттестации, кроме основного содержания написано, что он «является самым молодым по возрасту слушателем Военной академии Советской Армии. Военные дисциплины он знает лучше своих коллег. Увлекается сбором книг по военной тематике». Резун в самом деле был толковым парнем и хорошим аналитиком, работал в разведотделе штаба округа. Он ведь, по большому счету, неординарная личность и писатель неплохой.

Военный атташе при посольстве России в Украине
полковник В. Безрученко. Газета «Время» (Украина). 12 мая 2001 г.

Суворов не историк. И не писатель. Он мелкий политикан, причем самого грязного пошиба. Пешка в ГРУ, он, перебежав на Запад, не смог даже никаких наших секретов продать — просто их не знал. Вот и стал выдумывать их на потребу клеветникам России.

В. Карпов, лауреат Государственной премии СССР,
бывший Первый секретарь правления Союза писателей СССР.
Еженедельник «Книжное обозрение». 9 мая 1995 г.

«Аквариум» читать было интересно. И мир перед нами открывался таинственно-неведомый, и описывался он сочно. Один из нынешних работников ГРУ дал книге такую характеристику: «Все врет, стервец, но очень лихо. Я бы даже сказал — красиво».

«Правда». 18 февраля 1993 г.

Низколобый малограмотный перебежчик Резун-Суворов сочинил энциклопедию умственного убожества.

Владимир Бушин о книге «Аквариум». Газета «Советская Россия». 6 марта 1993 г.

Суворов очень хорошо пишет — интересно, остроумно. Он заслужил свою славу полностью.

Олег Гордиевский. «Литературная газета». 9 апреля 1997 г.

Самым большим преступлением государства против ветеранов Второй мировой и Великой Отечественной войн является разрешение на издание книг господина Резуна «Аквариум», «Ледокол» и тому подобного чтива.

Александр Розенбаум. Интервью газете «Приазовский рабочий». Февраль 1996 г.

Наиболее сильные чувства у своих бывших коллег вызывает майор Владимир Резун, сбежавший из Швейцарии в Англию в 1978-м. Связано это не только с тем, что его, в отличие от Пеньковского и Полякова, не удалось отдать под суд и расстрелять, сколько с опубликованной под псевдонимом Виктор Суворов книгой «Аквариум».

«Известия». 5 ноября 1998 г.

Фамилия автора «бестселлеров» «Аквариум», «Ледокол», «День М», «Освободитель» на слуху. Книги опять же на всех лотках, многочисленные офени ими в нос тычут <...> Пушкина нет, а Суворов — пожалуйста. Сегодня Резун читает лекции будущим английским офицерам. О чем, не ведаю. Может про то рассказывает, чему учили его в советской военной академии. Бог ему судья. И военный трибунал. И если первый своего отношения к неофиту от разведки публично не выразил, то второй конкретно, хотя и заочно, приговорил к высшей мере.

Полковник Н. Н. Поросков. «Красная звезда». 27 апреля 1994 г.

«Московский комсомолец» посвятил юбилею ГРУ статью «“Аквариум” дает течь». В статье около десяти раз повторяется словечко «Аквариум», заимствованное у предателя В. Резуна, опубликовавшего под этим названием книгу, полную клеветы на военную разведку.

Генерал-майор И. Студеникин. «Красная звезда». 18 ноября 1998 г.

Читателя у нас погружают в «Аквариум», дают «Ледоколом». Сегодня в России над человеком, читателем в частности, идет бессовестный эксперимент. И указанные романы в нем участвуют. Им создают рекламу, заставляют читать. Это своего роль щуп для определения состояния нашего общества.

А. Афанасьев, писатель. «Красная звезда». 24 августа 1996 г.

«Аквариум», вернувшись из-за бугра, стал самиздатовским гимном Советской Армии.

Александр Никишин. Альманах «Конец века». 1991. №2

★★★★★

КНИГИ ВИКТОРА СУВОРОВА

Рассказы освободителя

Аквариум

Ледокол

День М

Тень Победы

Беру свои слова обратно

Самоубийство

Очищение

трилогия «Последняя республика»

Последняя республика

Святое дело

Разгром

трилогия «Хроника Великого десятилетия»

Против всех

Облом

Кузькина мать

повести и романы

Змеед

Контроль

Выбор

опубликованы на английском языке

Inside the Soviet Army

Soviet Military Intelligence

Spetsnaz

The Chief Culprit

киносценарии

Контроль

ВИКТОР
СУВОРОВ
АКВАРИУМ

*роман
о советской
военной разведке*

Новое издание,
исправленное
и переработанное

УДК 821.161.1, ББК 84(2Рос=Рус)6, С89

Суворов, Виктор.

Аквариум / Виктор Суворов. — М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2016. — 448 с.

ISBN 978–5–98124–684–5

«Аквариум» — первая и единственная в своем роде книга об одной из самых могущественных и самых закрытых разведывательных организаций в мире, классический образец остросюжетного шпионского романа, который захватывает с первых же строк и читается запоем, на одном дыхании. Это рассказ о том, как была устроена советская тоталитарная система, основанная на звериной жажде власти и перемалывающая человеческие судьбы в угоду тем, кто дорвался до власти и упивается ею. «Аквариум» — история человека, прошедшего все круги ада этой бесчеловечной системы и вырвавшегося из нее.

«Перерабатывая для романа «Аквариум» собственную биографию, я совершенно сознательно работал «на понижение». Никаких прямых совпадений в деталях биографий главного героя романа Виктора Суворова и автора романа Владимира Резуна и не должно было быть — напротив, я внимательно следил за тем, чтобы таких совпадений не было. «Аквариум» — не обо мне, а о том, как работает советская военная разведка от батальона и выше, до самых важных резидентур. Если бы я назвал подлинные имена, места, даты и детали реальных событий и операций, это было бы подлостью по отношению к моим товарищам, сослуживцам и командирам. Потому я сместил действие романа во времени и пространстве, изменил имена и обстоятельства, чтобы невозможно было вычислить ни меня, ни моих коллег, ни нашу иностранную агентуру.» — Виктор Суворов.

Издательство «Добрая книга»

Телефон для оптовых покупателей: (495) 650 44 41.

Адрес для переписки (e-mail): mail@dkniga.ru

Адрес нашей страницы в Интернете: www.dkniga.ru

Все права защищены. Любое копирование, воспроизведение, хранение в базах данных или информационных системах, передача в любой форме и любыми средствами — электронными, механическими, посредством фотокопирования, записи или иными, включая запись на магнитный носитель, — любой части этой книги запрещено без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Виктор Суворов, 1982–2015.

© ООО «Издательство «Добрая книга», 2015 —
издание на русском языке, оформление.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Разоблачители ищут — и находят — многочисленные несоответствия в биографиях Виктора Суворова, главного героя романа «Аквариум», и Владимира Резуна, реального человека.

В «Аквариуме» Виктор Суворов в пятнадцатилетнем возрасте торгует на базаре арбузами, а Владимира Резуна с одиннадцати лет готовили в особых военных учебных заведениях.

Виктор Суворов служил в штабе Прикарпатского военного округа, а Владимир Резун — в штабе Приволжского, в тайной запасной столице Советского Союза.

Виктор Суворов попал в номенклатуру Центрального Комитета капитаном, а прыткий Резун — еще лейтенантом, побив все рекорды.

В «Аквариуме» я одной строкой упомянул о подруге Виктора Суворова, звонкой девочке из группы контроля, а в жизни Владимира Резуна дело этим не ограничилось.

Всем выпускникам Первого факультета Военно-дипломатической академии было положено еще как минимум один год проходить подготовку в разных управлениях ГРУ. Этот год проработал в центральном аппарате ГРУ и главный герой «Аквариума», а в реальной жизни я попал на боевую работу за рубеж самым первым из

всего выпуска, минуя год обязательной дополнительной подготовки.

Виктор Суворов работал в Вене, втором по значению центре мирового шпионажа, а Владимир Резун — в Женеве, в первом центре, в главной его столице.

В «Аквариуме» у Виктора Суворова был один Навигатор, а в реальной жизни за время моей работы в Женеве сменились три резидента: двое были умными, третий — не очень. Когда через несколько лет после всего случившегося этот третий умер, никто из ГРУ не пришел на его похороны, хотя был он генерал-майором. Его люто ненавидели все — и начальники, и подчиненные. Полосатые штаны он заработал только потому, что брат его был помощником у товарища Брежнева. Этот умник в генеральских штанах рос в высоких кабинетах Москвы, и его первой должностью за рубежом, высшей из всех возможных, была должность резидента ГРУ в Женеве. Он провалил все, что можно было провалить. Его образом я не стал поганить свою книгу. И настоящих причин ухода никогда не объяснял.

Виктор Суворов бежал один и из Австрии, Владимир Резун — с женой и малыми детьми и из Швейцарии.

Перерабатывая для романа «Аквариум» собственную биографию, я совершенно сознательно работал «на понижение». Никаких прямых совпадений в деталях биографий главного героя романа Виктора Суворова и автора романа Владимира Резуна и не должно было быть — напротив, я внимательно следил за тем, чтобы таких совпадений не было. *«Аквариум» — не обо мне, а о том, как работает советская военная разведка от батальона и выше, до самых важных резидентур.* Если бы я назвал подлинные имена, места, даты и детали реальных событий и операций, это было бы подлостью по

отношению к моим товарищам, сослуживцам и командирам. Потому я сместил действие романа во времени и пространстве, изменил имена и обстоятельства, чтобы невозможно было вычислить ни меня, ни моих коллег, ни нашу иностранную агентуру. Исключением стали лишь имена некоторых самых высокопоставленных советских военачальников и чиновников, личности и детали биографии которых широко известны и никогда не были секретом.

С особой осторожностью я писал об агентуре и о работе с ней. С моим уходом не был связан ни один шпионский процесс, никто не был арестован или осужден. Может быть, я плохо работал и ничего не знал? Того, кто в стратегической агентурной разведке плохо работает, выгоняют после первого года. Я же отбыл полный срок командировки, все три года, и в виде исключения был оставлен на четвертый год, а в виде особого исключения — на пятый.

«Аквариум», как и книгу «Рассказы освободителя», я опубликовал под псевдонимом и решил его никогда не раскрывать, чтобы никому не причинять неудобств. Меня впервые раскрыл начальник ГРУ генерал армии В. М. Михайлов. В интервью газете «Комсомольская правда» (23–31 августа 1991 г.) он сообщил: *«Настоящая фамилия автора [«Аквариума»] — Резун. Это наш полковник*, лет 11–12 назад сбежавший в Англию.»*

* Через полгода после этой публикации новый начальник ГРУ генерал-полковник Е. Л. Тимохин назвал меня майором (см. отзывы о романе «Аквариум» на первых страницах этого издания). Прошло еще полтора года, и бывший резидент ГРУ в Женеве капитан 1-го ранга Валерий Калинин назвал меня капитаном. Тенденция налицо. Если так пойдет и дальше, через некоторое время в прессе, вероятно, выступит бывший младший шифровальщик женевской резидентуры и назовет меня ефрейтором. — *Прим. автора.*

Тане

ПРОЛОГ

— **З**акон у нас простой: вход — рубль, выход — два. Это означает, что вступить в организацию трудно, но выйти из нее еще труднее. Для всех членов организации предусмотрен только один выход из нее — через трубу. Для одних этот выход — с почетом, для других — с позором, но для всех нас есть только одна труба. Только через нее мы выходим из организации. Вот она, эта труба, — седой указывает мне на огромное, во всю стену, окно, — полюбуйся на нее.

С высоты девятого этажа передо мной открывается панорама огромного пустынного аэродрома, который тянется до горизонта. А если смотреть вниз, то прямо под ногами — лабиринт песчаных дорожек между упругими стенами кустов. Зелень сада и выгоревшая трава аэродрома разделены несокрушимой бетонной стеной с густой паутиной колючей проволоки на белых роликах.

— Вот она, — седой указывает на невысокую, метров в десять, толстую квадратную трубу над плоской смоленной крышей.

Черная крыша плывет по зеленым волнам сирени, как плот в океане или как старинный броненосец, низ-

кобортный, с неуклюжей трубой. Над трубой вьется легкий прозрачный дымок.

— Это кто-то покидает организацию?

— Нет, — смеется седой, — труба — это не только наш выход, труба — источник нашей энергии, труба — хранительница наших секретов. Это просто сейчас жгут секретные документы. Знаешь, лучше сжечь, чем хранить. Спокойнее. Когда кто-то из организации уходит, то дым не такой, дым тогда густой, жирный. Если ты вступишь в организацию, то и ты в один прекрасный день вылетишь в небо через эту трубу. Но сейчас организация дает тебе последнюю возможность отказаться, последнюю возможность подумать о своем выборе. А чтобы у тебя было над чем подумать, я тебе фильм покажу.

Седой нажимает кнопку на пульте и усаживается в кресло рядом со мной. Тяжелые коричневые шторы с легким скрипом закрывают необъятные окна, и тут же на экране без всяких титров и вступлений появляется изображение. Фильм черно-белый, пленка старая и порядочно изношенная. Звук нет, и оттого отчетливее слышно стрекотание киноаппарата.

На экране высокая мрачная комната без окон, напоминающая цех или котельную. Крупным планом — топка с заслонками, похожими на ворота маленькой крепости, и направляющие желоба, которые уходят в топку, как рельсы в тоннель. Возле топки люди в серых халатах. Кочегары. Вот подают гроб. Так вот оно что! Крематорий. Тот самый, наверное, который я только что видел в окне. Люди в халатах поднимают гроб и устанавливают его на направляющие желоба. Заслонки печи плавно расходятся в стороны, гроб слегка подталкивают, и он несет своего неведомого обитателя в бушующее пламя.

А вот крупным планом камера показывает лицо жи-

вого человека. Лицо совершенно потное. Жарко у топки. Лицо показывают со всех сторон бесконечно долго. Наконец камера отходит назад, показывая человека полностью. Он не в халате. На нем дорогой черный костюм, правда, совершенно измятый. Галстук на шее скручен в веревку. Человек туго прикручен стальной проволокой к медицинским носилкам, а носилки поставлены к стене на ручки так, чтобы человек мог видеть топку.

Все кочегары вдруг повернулись к привязанному. Это внимание ему, видимо, совсем не понравилось. Он кричит. Он страшно кричит. Звука нет, но я знаю, что от такого крика дребезжат стекла. Четыре кочегара осторожно опускают носилки на пол, потом дружно поднимают их. Привязанный делает невероятное усилие, чтобы воспрепятствовать этому. Титаническое напряжение лица. Вена на лбу вздута так, что готова лопнуть. Но попытка укусить руку кочегара не удалась. Зубы привязанного впиваются в собственную губу, и черная струйка крови бежит по подбородку. Острые у человека зубы, ничего не скажешь. Его тело скручено крепко, но он извивается как пойманная ящерка. Его голова, подчиняясь животному инстинкту, мощными ритмичными ударами бьет о деревянную ручку, помогая телу. Привязанный бьется не за свою жизнь, а за легкую смерть. Его расчет понятен: раскатать носилки и упасть вместе с ними с направляющих желобов на цементный пол. Это будет или легкая смерть, или потеря сознания. А без сознания можно и в печь. Не страшно...

Но кочегары знают свое дело. Они просто придерживают ручки носилок, не давая им раскачиваться. А дотянуться зубами до их рук привязанный не сможет, даже если бы и лопнула его шея.

Говорят, что в самый последний момент своей жиз-

ни человек может творить чудеса. Подчиняясь инстинкту самосохранения, все его мышцы, все его сознание и воля, все стремление жить вдруг концентрируются в одном коротком рывке...

И он рванулся! Он рванулся всем телом! Он рванулся так, как рвется лиса из капкана, кусая и обрывая собственную окровавленную лапу.

Он рванулся так, что металлические направляющие желоба задрожали. Он рванулся, ломая собственные кости, разрывая жилы и мышцы. Он рванулся...

Но проволока была прочной.

И вот носилки плавно пошли вперед. Двери топки разошлись в стороны, озарив белым светом подошвы лакированных, давно не чищенных ботинок. Вот подошвы приближаются к огню. Человек старается согнуть ноги в коленях, чтобы увеличить расстояние между подошвами и бушующим пламенем. Но и это ему не удастся. Оператор крупным планом показывает пальцы. Проволока туго впилась в них. Но кончики пальцев этого человека свободны. И вот ими он пытается тормозить свое движение. Кончики пальцев растопырены и напряжены. Если бы хоть что-то попало на их пути, то человек, несомненно, удержался бы. И вдруг носилки останавливаются у самой топки. Новый персонаж на экране, одетый в халат, как и все кочегары, делает им знак рукой. И, повинаясь его жесту, они снимают носилки с направляющих желобов и вновь устанавливают у стенки на ручки.

В чем дело? Почему задержка?

Ах, вот в чем дело. В зал крематория на низкой тележке вкатывают еще один гроб. Он уже заколочен. Он великолепен. Он элегантен. Он украшен бахромой и каемочками. Это почетный гроб. Дорогу почетному гробу!

Кочегары устанавливают его на направляющие желоба, и вот он пошел в свой последний путь. Теперь невероятно долго нужно ждать, пока он сторит. Нужно ждать и ждать. Нужно быть терпеливым...

А вот теперь, наконец, и очередь привязанного. Носилки вновь на направляющих желобах. И я снова вижу этот беззвучный вопль, который, наверное, способен срывать двери с петель. Я с надеждой вглядываюсь в лицо привязанного. Я пытаюсь найти признаки безумия на его лице. Сумасшедшим легко в этом мире. Но нет таких признаков на красивом мужественном лице. Не испорчено это лицо печатью безумия. Просто человеку не хочется в печку, и он это старается как-то выразить. А как выразишь, кроме крика? Вот он и кричит. К счастью, крик этот не увековечен. Вот лакированные ботинки в огонь пошли. Пошли, черт побери. Бушует огонь. Наверное, кислород вдувают. Два первых кочегара отскакивают в стороны, два последних с силой толкают носилки в глубину. Двери топки закрываются, и треск аппарата стихает.

— Он... кто? — я сам не знаю, зачем задаю такой вопрос.

— Он? Полковник. Бывший полковник. Он был в нашей организации. На высоких постах. Он организацию обманывал. За это его из организации исключили. И он ушел. Такой у нас закон. Силой в организацию мы никого не вовлекаем. Не хочешь — откажись. Но если вступил, то принадлежишь организации полностью. Вместе с ботинками и галстуком... Итак, я даю последнюю возможность отказаться. На размышление одна минута.

— Мне не нужна минута на размышление.

— Таков порядок. Даже если тебе и не нужна эта минута, организация обязана тебе ее дать. Посиди и по-

молчи, — седой щелкнул переключателем, и длинная худая стрелка, четко выбивая шаг, двинулась по сияющему циферблату.

А я вновь увидел перед собой лицо полковника в самый последний момент, когда его ноги уже были в огне, а голова еще жила: еще пульсировала кровь, еще в глазах светился ум, смертная тоска, жестокая мука и непобедимое желание жить. Если меня примут в эту организацию, я буду служить ей верой и правдой. Это серьезная и мощная организация. Мне нравится такой порядок. Но почему-то я наперед знаю, что если мне предстоит вылететь в короткую квадратную трубу, то никак не в гробу с бахромой и каемочками. Не та у меня натура. Не из тех я, которые с бахромой... Не из тех.

— Время истекло. Тебе нужно еще время на размышление?

— Нет.

— Еще одна минута?

— Нет.

— Что ж, капитан. Тогда мне выпала честь первым поздравить тебя со вступлением в наше тайное братство, которое именуется Главное разведывательное управление Генерального штаба, или сокращенно ГРУ. Тебе предстоит встреча с заместителем начальника ГРУ генерал-полковником Мещеряковым и визит в Центральный Комитет к генерал-полковнику Лемзенко. Я думаю, ты им понравишься. Только не вздумай хитрить. В данном случае лучше задать вопрос, чем промолчать. Иногда в ходе наших экзаменов и психологических тестов такое покажут, что вопрос сам к горлу подступает. Не мучь себя. Задай вопрос. Веди себя так, как вел себя сегодня здесь, и тогда все будет хорошо. Успехов тебе, капитан.

ГЛАВА 1

1

Если вам захотелось работать в КГБ, езжайте в любой областной центр. На центральной площади всенепременно статуя Ленина стоит, а позади нее обязательно окажется огромное здание с колоннами — это областной комитет коммунистической партии. Где-то тут рядом и областное управление КГБ. Тут же, на площади, любого спросите, вам любой покажет: да вон то здание, серое, мрачное, да, да, именно на него Ленин своей железобетонной рукой указывает. Но можно в областное управление и не обращаться, можно в дверь Особого отдела по месту работы постучать. Тут вам тоже каждый поможет: прямо по коридору и направо, дверь черной кожей обита. Можно стать сотрудником КГБ и проще. Надо к особисту обратиться. Особист на каждой захудалой железнодорожной станции есть, на каждом заводе, а бывает, что и в каждом цеху. Особист есть в каждом полку, в каждом институте, в каждой тюрьме, в каждом партийном комитете, в конструкторском бюро, а уж в комсомоле, профсоюзах и общественных организациях их множество. Подходи и говори: хочу

в КГБ! Другой вопрос — примут или нет (ну конечно же, примут!), но дорога в КГБ открыта для всех, и искать эту дорогу совсем не надо.

А вот в ГРУ попасть не так легко. К кому обратиться? У кого совета спросить? В какую дверь стучать? Может, в милиции поинтересоваться? В милиции плечами пожмут: нет такой организации.

В Грузии милиция даже номерные знаки выдает с буквами ГРУ, не подозревая, что буквы эти могут иметь некий таинственный смысл. Едет такая машина по стране — никто не удивится, никто вслед не посмотрит. Обычному человеку, как и всей советской милиции, эти буквы ни о чем не говорят и никаких ассоциаций не вызывают. Не слышали обычные граждане о такой организации, и милиция никогда не слышала.

В КГБ миллионы добровольцев, в ГРУ их нет. В этом и состоит главное отличие. ГРУ — организация секретная. О ее существовании широкие народные массы не осведомлены, оттого и не рвется никто сюда по своей инициативе. Но, допустим, нашелся некий доброволец, каким-то образом нашел он ту дверь, в которую стучать надо, примите, говорит. Примут? Нет, не примут. Добровольцы ГРУ не нужны. Добровольца немедленно арестуют, и ждет его тяжелое, мучительное следствие. Много будет вопросов. Где ты эти три буквы услышал? Как ты нас найти сумел? Но, главное, кто помог тебе? Кто? Кто? Кто? Отвечай, сука!

Правдивые ответы ГРУ вырывать умеет. Ответ из любого вырвут. Это я вам гарантирую. ГРУ обязательно найдет того, кто добровольцу помог. И снова следствие начнется: а тебе, падла, кто эти буквы назвал? Где ты их услышал? Долго ли, коротко ли, но найдут и первоисточник. Им окажется тот, кому тайна довере-

на, но у кого длина языка превышает установленные стандарты. О, ГРУ умеет такие языки вырывать. ГРУ такие языки вместе с головами отрывает. И каждый попавший в ГРУ знает об этом. Каждый попавший в ГРУ бережет свою голову, а сберечь ее можно, только следя за языком. О ГРУ можно говорить только внутри ГРУ. Говорить можно так, чтобы голос твой не услышали за пределами стен величественного здания на Хорошёвке. Каждый попавший в ГРУ свято чтит закон Аквариума: все, о чем мы говорим внутри, пусть внутри и останется, пусть ни одно наше слово не выйдет за эти стены.

И оттого, что такой порядок существует, мало кто за пределами Аквариума знает о том, что происходит внутри. А тот, кто знает, тот молчит. И из-за того, что все знающие молчат, лично я о ГРУ никогда ничего не слышал.

Был я ротным командиром. После освободительного похода в Чехословакию ураган перемещений подхватил меня и бросил в 318-ю мотострелковую дивизию 13-й армии Прикарпатского военного округа. Я получил под командование вторую танковую роту в танковом батальоне 910-го мотострелкового полка. Рота моя успехами не блистала, но и в отстающих не числилась. Жизнь свою я видел на много лет вперед: после роты — начальником штаба батальона, после этого надо будет прорваться в Бронетанковую академию имени маршала Малиновского, потом будет батальон, полк, может быть, что и повыше. Отклонения могли быть только в скорости движения, но не в направлении. Направление я выбрал себе однажды на всю жизнь и менять его не собирался. Но судьба распорядилась иначе.

13 апреля 1969 года в 4 часа 10 минут утра тронул меня осторожно за плечо мой посыльный:

— Вставайте, товарищ старший лейтенант, вас ждут великие дела. — Тут же, сообразив, что спросонья я к шуткам не расположен, он, сменив тон, коротко объявил: — Боевая тревога!

Собрался я за три с половиной минуты: одяло в сторону, на себя — брюки, носки, сапоги. Гимнастерку — через голову, не застегивая, это на ходу сделать можно. Теперь португеею на самые последние дырочки затянуть, командирскую сумку через плечо и фуражку на голову. Ребром ладони — по козырьку: совпадает ли кокарда с линией носа. Вот и все сборы. И бегом вперед. Мой пистолет в комнате дежурного по полку хранится. Пистолет я на входе из огромного сейфа схвачу. А мой вещмешок, комбинезон, теплая куртка и шлем всегда в танке. Бегом по лестнице вниз. Эх, в душ бы сейчас да щеки бритвой поскоблить. Но не время. Боевая тревога! Тупорылый ГАЗ-66 уже почти полон: всё молодые офицеры да их посыльные, которые и того моложе.

А в небе уже звезды тают. Они уходят тихо, не прощаясь, как уходят из нашей жизни люди, воспоминания о которых сладкой болью тревожат наши черствые души.

2

Гремит парк, ревет парк боевых машин сотнями двигателей. Серая мгла кругом да копоть солярная. Рычат потревоженные танки. По грязной бетонной дороге ползут серо-зеленые коробки, выстраиваются в нескончаемую очередь. Впереди широкогрудые плавающие танки разведывательной роты, вслед за ними — бронетранспортеры штаба полка и роты связи, потом танковый батальон, дальше, за поворотом, три мотострелковых батальона

вытягивают колонны, за ними артиллерия полковая, зенитная да противотанковая батареи, саперы, химики, ремонтники. Тыловым подразделениям и места нет в громадном парке. Они свои колонны вытягивать начнут, когда головные подразделения далеко вперед уйдут.

Бегу я вдоль колонны машин к своей роте. А командир полка материт кого-то от всей души. Начальник штаба полка с командирами батальонов ругается, криком сотни двигателей перекрывает. Я бегу. И другие офицеры бегут. Скорее, скорее. Вот она, рота моя. Три танка — первый взвод, три — второй, еще три — третий. А командирский мой танк впереди. Вся десятка на месте. И уж слышу я все свои десять двигателей. Из общего рева их выделяю. У каждого двигателя свой нрав, свой характер, свой голос. И не фальшивит ни один.

Для начала неплохо. Перед своим танком учащаю шаги, резко прыгаю и по наклонному лобовому броневому листу взбегаю к башне. Командирский люк открыт, радист протягивает мне шлем, уже подключенный к внутренней связи. Шлем из мира грохота и рева переносит меня в мир тишины и спокойствия. Но наушники оживают мгновенно, разрушая зыбкую иллюзию тишины. Сидящий рядом радист по внутренней связи (иначе пришлось бы орать на ухо) докладывает последние указания. Все о пустяках. Я его главным вопросом обрываю: война или учения? «Хрен его знает», — жмет он плечами.

Как бы там ни было, моя рота к бою готова, и ее надо немедленно выводить из парка, — таков закон. Скопление сотен машин в парке — цель, о которой наши враги мечтают. Я вперед смотрю. А разве увидишь что? Первая танковая рота впереди меня стоит. Наверное, командир еще не прибыл. Все остальные впереди тоже ждут. Я на

крышу башни вскакиваю. Так виднее. Похоже на то, что в разведывательной роте танк заглох, загородив дорогу всему полку. Я на часы смотрю. Восемь минут нашему командиру полка осталось, бате нашему. Если через восемь минут колонны полка не тронутся, с командира полка погоня сорвут и выгонят из армии без пенсии, как старого пса. А к голове колонны ни один тягач из ремонтной роты сейчас не пробьется: вся центральная дорога, стиснутая серыми угрюмыми гаражами, забита танками от края до края. Я на запасные ворота смотрю. Дорога к ним широкой канавой перерезана: там кабель какой-то или трубу начали прокладывать.

Я в люк прыгаю и водителю во всю глотку: «Влево, вперед!» И тут же всей роте: «Делай как я!» А влево ворот нет никаких. Влево — стенка кирпичная между длинными блоками ремонтных мастерских. В командирском танке — лучший в роте водитель. Так установлено задолго до меня, и во всей армии. Я ему по внутренней связи ору: «Ты в роте лучший! Я тебя, прохвоста, выбрал. Я тебя, проходимца, высшей чести удостоил — командирскую машину беречь да ласкать. Не посрами выбора командирского! Сокрушу, сгною!»

А водителю моему отвечать некогда: на совсем коротком отрезке разгоняет он броневое монстра, перебрасывая передачи выше да выше. Страшен удар танком по стене кирпичной. Дрогнуло все у нас в танке, зазвенело, заныло. Кирпич битый лавиной на броню обрушился, ломая фары, антенны, срывая ящики с инструментами, калеча внешние топливные баки. Но взревел мой танк и, окутанный паутиной колючей проволоки, вырвался из кирпичной пыли на сонную улочку тихого украинского городка. Я в задний триплекс смотрю: танки роты моей пошли в пролом за мной весело да ху-

лиганисто. К пролomu дежурный по парку бежит. Руками машет. Кричит что-то. Рот разинут широко. Да разве услышишь, что он там кричит. Как в немом кино, по мимике догадываться приходится. Полагаю, что матерится дежурный. Шибко матерная мимика. Не спутаешь.

Когда десятый танк моей роты через пролом выходил, там уж регулировщики появились: форма черная, портупей и шлемы белые. Эти порядок наведут. Эти знают, кого первым выпускать. Разведку — вот кого. В каждом полку есть особая разведрота с особой техникой, с особыми солдатами и офицерами. Но кроме нее в каждом мотострелковом и танковом батальоне полка подготовлено еще по одной роте, которые ни особой техники, ни особых солдат не имеют, но и они могут использоваться для ведения разведки.

Вот эти роты и нужно выпускать вперед. Нас, белые шлемы, выпускайте! Нам сейчас далеко вперед вырваться надо.

3

Смотришь на роты в дивизии или в полку — все они одинаковы для постороннего взгляда. Ан нет! В каждом батальоне первая рота и есть первая. Какие ни есть плохие солдаты в батальоне, а самых лучших из них комбат в первую роту собирает. И если нехватка офицеров, то свежее офицерское пополнение обязательно первой роте отдадут. Потому как первая рота по главной оси батальона всегда идет. Она первая с врагами лбами сшибается. А от завязки боя и его исход во многом зависит.

Вторая рота в любом батальоне — средняя. Офицеры во вторых ротах без особых отличий, вроде меня, и солдаты тоже. Зато каждая вторая рота имеет дополни-

тельную разведывательную подготовку. У нее вроде как смежная профессия есть. Прежде всего она тоже боевая рота, но если потребуется, то она может вести разведку в интересах своего батальона, а может и в интересах полка работать, заменяя собой или дополняя особую полковую разведроту.

В Советской Армии 2400 мотострелковых и танковых батальонов. И в каждом из них третья рота — не только по номеру третья. В третьих ротах обычно служат те, кто ни в первые, ни во вторые роты не попал: совсем молодые, неопытные офицеры или перезрелые, бесперспективные. Солдат в третьих ротах всегда не хватает. Более того, на территории Союза третьей роты, в подавляющем большинстве, вообще солдат не имеют. Техника их боевая постоянно на консервации стоит. Война начнется — тысячи этих рот дополняют резервистами и быстро поднимут до уровня обычных боевых подразделений. В этой системе — глубокий смысл: добавить в дивизию резервистов в тысячу раз лучше, чем формировать новые дивизии целиком из резервистов.

Моя вторая танковая рота стремительно уходит вперед. На повороте я оглядываюсь и считаю танки. Пока скорость выдерживают все. Прямо за последним танком моей роты, высекая искры из бетона, не отставая, идет гусеничный бронетранспортер с белым флажком.

И у меня от сердца отлегло. Маленький белый флажок означает присутствие посредников. А их присутствие, в свою очередь, означает учения, но не войну. Значит, поживем еще.

А надо мною вертолет-стрекоза. Вниз скользит. Разворачивается и заходит прямо против ветра, чтоб не снесло его. С правого борта завис. Я на крыше башни. Рука правая над головой. Пилот рыжий совсем. Лицо,

как сорочье яйцо, веснушками изукрашено. А зубы — снег. Смеется. Знает он, вертолетный человек, что тем ротным, кому он сейчас приказы развез, денек выпал не из лучших. Вертолет тут же вверх взмывает, в сторону уходит. Только рыжий пилот смеется. Только зубы его блестят, лучи восходящего светила отражая.

4

Танк мой ревущий вселенную пополам режет, и то, что единым было впереди, распадается надвое. И летят перелески справа и слева. Грохот внутри адский. Карта на коленях. И многое становится ясным. Дивизию в прорыв бросили, и идет она стремительно на запад. Только где противник — не ясно. Ничего об этом карта не говорит. И оттого впереди дивизии рвутся два десятка разведывательных, танковых и мотострелковых рот, и моя — в их числе. Роты эти — как растопыренные пальцы одной ладони. Их задача — нащупать самое уязвимое место в обороне противника, на которое командир дивизии обрушит свой тысячетонный кулак. Уязвимое место противника ищут на огромных пространствах, и поэтому каждая из высланных вперед рот идет в полном одиночестве. Знаю я, что идут где-то рядом такие же роты, лихо и стремительно обходя очаги сопротивления, деревни и города. И моя рота тоже в изнурительные стычки не ввязывается: встретил противника, сообщил в штаб и обходи. Скорее обходи и снова вперед. А где-то вдали главные силы, как ревущий поток, прорвавший плотину. Вперед, ребята, вперед, на запад!

А бронетранспортер с белым флагом не отстает. Он, проклятый, вдвое легче танка, а силищи в нем почти

столько же. Пару раз пытался я оторваться: мол, высокие скорости — залог победы. Но не выгорело. Когда взводом командовал, то такие вещи вполне проходили, но с ротой не пройдет. Разорвешь колонну, танки по болотам порастеряешь. За это не жалуют, за это с роты снимают. Черт с вами, думаю, проверяйте на здоровье, а роту я растягивать не буду...

— Кран впереди! — кричит по радио командир шестого танка, высланного вперед.

Кран? Подъемный? Точно! Кран! Весь зелененький, стрела для маскировки ветками облеплена. Где на поле боя можно кран увидеть? Правильно! В ракетной батарее! Каждый ли день такая удача!

— Рота! — ору. — Ракетная батарея! К бою... Вперед!

А уж мои ребята знают, как с ракетными батареями расправляться. Первый взвод, обгоняя меня, рассыпается в боевую линию. Вторым, резко увеличивая скорость, уходит вправо и, бросая в небо комья грязи из-под гусениц, несется вперед. Третий взвод уходит влево, огромным крюком охватывая батарею с фланга.

— Скорость! — рычу.

А водители это и без меня понимают. Знаю, что у каждого водителя сейчас правая нога уперлась в броневой пол, вжав педаль до упора. И оттого двигатели взвыли непокорно и строптиво. И оттого рев такой. И оттого копоть невыносимая: топливо не успевает сгорать в двигателях полностью, и жутким напором газа его выбрасывает через выхлопные горловины.

— Разведку прекращаю... Квадрат... Тринадцать сорок один... Стартовая позиция... Принимаю бой... — это мой радист-заряжающий кричит в эфир наше, может быть, последнее послание. Ракетные подразделения и штабы противника должен атаковать каждый при

первой встрече, без всяких на то команд, каковы бы ни были шансы, чего бы это ни стоило.

Заряжающий щелчком обрывает связь и бросает первый снаряд на досылатель. Снаряд плавно уходит в казенник, и мощный затвор, как нож гильотины, дробящим сердце ударом запирает ствол. Башня плывет в сторону, а под моими ногами полетела влево спина механика-водителя и боеукладка со снарядами. Казенник орудия, вздрогнув, плывет вверх. Наводчик сцепился руками в пульт прицела, и мощные стабилизаторы, повинувшись его корявым ладоням, легкими рывками удерживают орудие и башню, не позволяя им следовать бешеной пляске танка, летящего по пням и корягам. Большим пальцем правой руки наводчик плавно давит на спуск. С тем, чтобы страшный удар не обрушился на наши уши внезапно, во всех шлемофонах раздается резкий щелчок, заставляя барабанные перепонки сжаться, встречая всепокрушающий грохот выстрела сверхмощной пушки. Щелчок в шлемофонах опережает выстрел на сотые доли секунды, и оттого мы не слышим самого выстрела.

Сорокаторная громада летящего вперед танка дрогнула. Орудийный ствол отлетел назад и со звоном изрыгнул дымящуюся гильзу. И тут же, вторя командирской пушке, бегло залаяли остальные. А заряжающий уже второй снаряд бросил на досылатель.

— Скорость! — ору я.

А грязь из-под гусениц фонтанами. А лязг гусениц даже громче пушечного грохота. А в шлемофонах новый щелчок — это наводчик снова на спуск давит. И снова мы своего собственного выстрела не слышим. Только орудие судорожно назад рванулось, только гильза страшно звенит, столкнувшись с отбойником.

Мы слышим только выстрелы соседних танков. А они слышат наши. И эти пушечные выстрелы стегают моих доблестных азиатов словно плетью между ушей. И звереют они. Я каждого из них сейчас представить могу. В пятом танке наводчик между выстрелами резиновый налобник прицела от восторга грызет. Это не только в роте, во всем батальоне знают. Нехорошо это. Отвлекается он от наблюдения за обстановкой. Его за это даже чуть было в заряжающие не перевели. Но уж очень точно стреляет, прохвост. А в третьем танке в прошлый раз командир, включив рацию на передачу, забыл ее выключить, забивая всю связь в ротной сети. И вся рота слышала, как он скрежетал зубами и подвывал по-волчьи...

— Круши, — шепчу я, и шепот мой на тридцать километров радиоволны разносят, словно я каждому из своих милых свирепых азиатов это слово прямо в ушко нашептываю: — Круши-и-и-и!

А по ушам щелчок, и гильза снова звенит. Аромат у стреляных гильз дурящий. Кто тот ядовитый аромат вдыхал, тот зверел сладострастно. Круши!

От грохота, от мощи небывалой, от пулеметных трелей пьянеют мои танкисты. И не удержит их теперь никакая сила. Вот и водители всех танков словно с цепи сорвались: рвут рычаги ручищами своими грубыми, терзают машины свои, гонят их, непокорных, прямо в пекло. А я назад смотрю: не обошли бы с тылов. Далеко позади — бронетранспортер с белым флажком. Отстал, из сил выбился. Люди в нем несчастные: нет у них такой пушки сверхмощной, нет у них грохота одуряющего, нет аромата пьянящего. Нет у них в жизни такого наслаждения боем, не познали они его. Оттого труслив их водитель, камни да пни осторожно обходит. А ты не бойся! А ты машину ухвати лапами, рви ее и терзай. Бронева

машина — существо нежное. Но если почувствует машина на себе могучего седока, то озверевает и она. И понесет она тебя вскачь по валунам гранитным, по пням тысячелетних дубов, по воронкам и ямам. Не бойся гусеницы изорвать, не бойся торсионы переломать. Рви и круши, и понесет тебя танк, как птица. Он, танк, тоже боем упивается. Он рожден для боя. Круши!

— Выводи роту из боя...

Искры из-под гусениц. Влетела рота на позиции ракетной батареи. Скрежет в моих наушниках: то ли гусеницы по стальному листу лязгают, то ли наводчик мой зубами скрипит.

— Выводи роту из боя...

Чтоб не задеть друг друга, танки без всякой команды огонь прекратили, только режут, как волки, рвущие оленя на части. Бьют танки лбами своими броневыми хлипкие ракетные транспортеры, краны да пусковые установки, в жирный чернозем втаптывают красу и гордость ракетных войск. Круши!

— Выводи роту из боя... — снова слышу я чей-то далекий скрипучий голос и вдруг понимаю, что это проверяющий ко мне обращается. Ах, черт! Да кто же в такой момент наивысшего, почти сексуального блаженства людей от любимого занятия отрывает? Проверяющий, твою мать, ты же моих жеребцов в импотентов превратишь! Кто тебе право дал портить великолепную танковую роту? Ты враг народа или буржуазный вредитель? Куль тебе в зубы! Рота, круши! И, треснув кулаком по броне, выматерив в открытый эфир всю штабную сволочь, которая порохового дыма по своим канцеляриям не нюхала, я командую:

— Роте боевой отбой! Влево на поляну повзводно марш!

Мой водитель в сердцах рвет левый рычаг до упора, отчего танк всей массой своей почти опрокидывается вправо, ломая красавицу березу. Мастерски водитель перебрасывает передачи почти с секундным перерывом и, добравшись до верхней, гонит броневое монстра вперед, через кусты и глубокие ямы, прямо на поляну. Лихо развернувшись, он снижает обороты почти до нуля, и машина замирает на месте, бросив нас резко вперед, как при внезапном торможении самолета в самом конце разбега. Остальные танки с разочарованным ревом один за другим вырываются из леса и, судорожно тормозя, выстраиваются в четкую линию.

— Разряжай! Оружие к осмотру! — подаю команду и вырываю шнур шлемофона из разъема, а заряжающий щелчком вырубает всю связь.

5

Бронетранспортер с проверяющими далеко отстал. Пока он доковылял до роты, я успел проверить вооружение, получил рапорта о состоянии машин, о расходе топлива и боеприпасов, построил роту и замер посреди поляны в готовности рапортовать.

Стою, в уме плюсы и минусы подсчитываю: за что меня похвалить могут, а за что наказать. Рота из парка начала выход на восемь минут раньше срока — за это хвалят, за это иногда командиру роты и золотые часики подбросить могут. В начале войны счет на секунды идет. Все танки, все самолеты, все штабы должны рывком из-под удара выйти. Тогда первый, самый страшный удар противника по пустым военным городкам ляжет. Восемь минут! Тут мне плюс несомненный. Все танки мои исправны, и весь день таковыми оставались. Это моему

зампотеху плюс. Жаль, что из-за нехватки офицеров нет у меня в роте зампотеха. Я сам за него работаю. Опорные пункты мы обходили крутым маневром, вовремя и четко сообщая о них. Это плюс командиру первого взвода. Жаль, что и его в роте нет: опять же нехватка. Ракетную батарею не проморгали, не пропустили, унюхали, в землю ее втоптали. А ракетная батарея, даже самая захудалая, может пару Хиросим сотворить. Прекратив разведку и бросив свои коробки против ракет, я эти самые Хиросимы предотвратил. За такое на войне и орденом пожаловать могут, а на учениях хвалят долго...

А вот и проверяющий полковник. Ручки белые, чистенькие, сапожки блестят. Лужи он брезгливо обходит, как кот, чтобы лапки не испачкать. Командир полка, батя наш, тоже полковник, да только ручищи у него мозолистые, как у палача, к тяжелому труду его ручищи приучены. А рожа у нашего бати обожжена морозом, солнцем и ветрами всех известных мне полигонов и стрельбищ, не в пример бледному личику проверяющего полковника.

— Равняйся! Смирно! Равнение направо!

Но проверяющий рапорта моего не слушает, он меня на полуслове обрывает:

— Увлекаетесь, старший лейтенант, в бою! Как мальчишка!

Я молчу. Я улыбаюсь ему: вроде он не ругает меня, а медаль на грудь вешает. А он от моей улыбки еще пуще свирепеет. Свита его угрюмо молчит. Знает свита, что Дисциплинарный Устав запрещает ругать меня в присутствии моих подчиненных. Знают майоры и подполковники, что, ругая меня в присутствии моих подчиненных, полковник не мой командирский авторитет подрывает, а авторитет всего офицерского состава до-

блестной Советской Армии, и в том числе собственный полковничий авторитет. А мне вроде бы и ничего. Я улыбаюсь.

— Это позорно, старший лейтенант, не слышать команд и не выполнять их.

Эх, полковник, а я бы на оружейных стволах вешал тех, кто в бою не увлекается, кого запах крови не пьянит. Это учения, а кабы в настоящем бою гусеницы наших танков были перепачканы настоящей кровью, так мои азиаты славные еще бы и не так распалились. Да только это не слабость. Это их сила. Их никто в мире остановить бы не смог.

— И еще со стенкой! Вы же стенку в парке поломали! Это преступление!

Про стенку я и думать забыл. Велика беда. Ее уж, наверно, восстановили. Долго ли? Пригони с губы десяток арестантов, они за пару часов новую стенку сложат. И откуда мне, полковник, знать, учения это были или война? Кто это во время тревоги знать может? А если война, и стенка целой осталась бы, а две тысячи человек и сотни великолепных боевых машин все в одной куче сгорели? Ась, полковник? Высокую должность ты занимаешь, именуешься начальником разведки 13-й армии, так поинтересуйся, сколько мои азиаты за день целей вскрыли. Они и по-русски толком не говорят, а цели вскрывают безошибочно. Похвали их, полковник! Не мне, так хоть им улыбнись. И я улыбаюсь ему. К роте своей я спиной сейчас стою, и повернуться мне к ней лицом никак нельзя. Только я и так знаю, что вся моя рота сейчас улыбается. Просто так, без всякой причины. Они у меня такие, они в любой обстановке зубы скалят.

А полковнику это не нравится. Он, наверное, думает, что мы над ним смеемся. Озверел полковник. Зуба-

ми скрежещет, как наводчик в бою. Наши улыбки он понять и оценить не способен. И оттого он кричит мне в лицо:

— Мальчишка! Вы недостойны командовать ротой! Я вас отстраняю! Сдайте роту заместителю, пусть он ведет роту в казармы!

— Нет у меня сейчас заместителя, — улыбаюсь я ему.

— Тогда командиру первого взвода!

— И его нет, — и, чтобы полковнику всех командиров нижестоящих не перечислять, объясняю: — Один я в роте офицер.

Полковник угас. Пыл с него сошел. Сошел, вроде и не было его. Ситуация, когда в роте только один офицер, в нашей армии, особенно на территории Союза, почти стандартная. Офицерами быть много желающих, да только все полковниками быть хотят. А лейтенантский старт мало кого влечет. И оттого нехватка на самом низу. Нехватка офицеров жестокая. Но там, наверху, в штабах, об этом как-то забывается. Вот и сейчас полковник просто не подумал, что я могу быть единственным офицером на всю роту. Меня от командования отстранил, у него на это право есть. Но роту надо возвращать в казармы. А гнать роту, да еще танковую, одну, без офицеров, на десятки километров нельзя. Это преступление. Это непременно расценят как попытку государственного переворота. Тут тебе, полковник, исход летальный. Если уж ты отстранил командира в обстановке, когда у него нет заместителей, то этим самым ты роту под свою персональную ответственность принял и никому эту роту доверить не имеешь права. Если бы такое право предоставили, то каждый командир дивизии мог бы вывести войска в поле, сместить командиров, заменить их теми, кто ему подходит, и — переворот. Но нет у нас переворо-

тов, ибо не каждый допущен к деликатному вопросу подбора и расстановки командирских кадров. Снимать — твое право. Снимать легко. Снимать любой умеет. Это так же легко, как убивать. Но возвращать командиров на их посты так же трудно, как мертвых живыми делать. Ну что, полковник, думаешь меня вновь на роту поставить? Не выйдет. Недостоин я. И все это слышали. Не имеешь права ставить на роту недостойного. А если наверху узнают, что ты вблизи государственной границы снимал с танковых рот законных командиров и на их место недостойных ставил? Что с тобой будет? Ась? То-то.

Тут бы полковнику с командиром моего батальона или полка связаться: мол, заберите свою беспризорную роту. Но кончились учения. Кончились так же внезапно, как и начались. Кто же позволит боевой связью после учений пользоваться? Тех, кто допускал такие вольности, в 1937 году перестреляли. После того никому не повадно такими вещами баловаться. Ну что же, полковник? Ну, веди роту. А может быть, ты уж и забыл, как ее водить? А может быть, никогда ее и не водил? Рос в штабах. Таких полковников множество. Любое занятие со стороны пустяковым кажется. И роту танковую вести тоже несложно. Да только команды нужно подавать именно так, как они в новом уставе записаны. Люди в моей роте русский язык плохо знают, могут не понять. Хуже, если поймут, да не так. Тогда их и на вертолете по лесам и болотам не сыщешь. Тяжел танк, иногда на человека наехать может, под мост провалиться, в болоте может утонуть.

А расплата всегда одна и та же.

Я не улыбаюсь больше. Ситуация серьезная, и смеяться незачем. Мне бы самое время ладонь к козырьку: разрешите идти, товарищ полковник? Все равно я тут

теперь посторонний, не командир и не подчиненный. Вы кашу заварили, вы и расхлебывайте. Захотелось покомандовать, вот, товарищ полковник, и командуйте. Но злость и злорадство во мне быстро погасли. Рота родная, люди мои, машины мои. За роту я больше не отвечаю, но и не брошу ее просто так.

— Разрешите, товарищ полковник, — бросаю ладонь к шлему, — последний раз роту провести. Вроде как попроситься с ней.

— Да, — коротко соглашается он.

На одно мгновение показалось мне, что по привычке хочет он обычное наставление дать: мол, не гони, не увлекайся, колонну не растягивай. Но не сделал он этого. Может, у него и намерения такого не было, просто мне так показалось.

— Да, да, ведите роту. Считайте, что мой приказ еще в силу не вошел. Приведите роту в казарму, там ее и сдадите.

— Есть! — поворачиваюсь я резко кругом, замечая усмешки в свите полковника.

Как это так, «пока командуйте»? Понимает свита, что нет такого положения — «пока командуйте». Командир или достоин своего подразделения и полностью за него отвечает, или не достоин, и тогда его немедленно отстраняют. «Пока командуйте» — это не решение. И за такой подход может полковник дорого поплатиться. Мне это ясно, и свите его. Но не до этого мне сейчас. У меня дело серьезное. Я ротой командую. И нет мне дела до того, что и кто подумал, кто как поступил и как за это будет наказан.

Перед тем как первую команду подать, обязан командир свое подразделение воле своей подчинить. Обязан он глянуть на своих солдат так, чтобы по строю лег-

кая зыбь побежала, чтобы замерли они, чтобы каждый почувствовал, что сейчас командирская команда последует. А команды в танковых войсках беззвучны. Два флажка в моих руках. Ими я и командую.

Белый флажок резко вверх. Это первая моя команда. Жестом этим коротким и резким я своей роте длинное сообщение передал: «Ротой командую — я! Работу радиостанций на передачу до встречи с противником запрещаю! Внимание!» Команды бывают предварительные и исполнительные. Предварительной командой командир как бы ухватывает подчиненных железной уздой своей воли. И, натянув поводья, должен командир выждать пять секунд перед подачей главной команды. Должен строй застыть, ожидая ее, должен каждый почувствовать железные удила, должен каждый чуть вздрогнуть, должны мускулы заиграть, как перед хлестким ударом, должен каждый исполнительной команды ждать, как хорошая лошадь ждет удара плетью.

Красный флажок резко вверх, и оба — через стороны вниз. Дрогнула рота, рассыпалась, кованными сапогами по броне загрохотала.

Может, прощалась со мной рота, может, проверяющим выучку свою демонстрировала, может, просто злость разбирала, и никак эту злость по-другому выразить невозможно было. Ах, если бы секундомер кто включил! Но и без секундомера я в тот момент знал, что бьет моя рота рекорд дивизии, а может, и какой выше. Знал я в тот момент, что много в свите полковника настоящих танкистов и что каждый сейчас моими азиатами любит. Много я сам видел рекордов в танковых войсках и знаю цену тем рекордам. Повидал я и руки поломанные, и зубы выбитые. Но везло моим ребятам в тот момент. И знал я как-то наперед, что не оступится

ни один, не поскользнется, совершая немислимый прыжок в люк. Знал я, что и пальцы никому не отдавит. Не тот момент.

Десять двигателей хором взвыли. Я в люке командирском. Теперь белый флажок вверх в моей руке означает: я — готов! И в ответ мне девять других флажков: готов! Готов! Готов! Резкий круг над головой и четкий жест в сторону востока: следуй за мной!

Элементарно? Да!

Примитивно? Нет!

Просто все, но никакая радиоразведка не сможет обнаружить выдвижение даже четырех танковых армий одновременно. А против других видов разведки есть столь же простые, но неотразимые приемы. И потому мы всегда внезапно появляемся. Плохо или хорошо, но внезапно. Даже в Чехословакии, даже семью армиями одновременно.

Проверяющий полковник вскарабкался на свой бронетранспортер. Свита — за ним. Бронетранспортер взревел, круто развернулся и пошел в военный городок своей дорогой.

Свита полковника его явно ненавидит. В противном случае ему подсказали бы, что он должен идти прямо за моим танком. Я ведь теперь никто. Самозванец. Доверять мне роту — все равно как если бы начальник полиции доверил проведение ареста бывшему полицейскому, выгнанному с работы. Если уж тебе и пришла в голову такая идея, так хоть будь рядом, чтобы вовремя вмешаться. Если уж отдал роту кому-то, если не умеешь ею управлять, так хоть будь рядом, чтобы на тормоза вовремя нажать. Но не подсказал никто полковнику, что он жизнь свою в руки старшего лейтенанта отдал. А старший лейтенант, отстраненный от власти, может

любую гадость сотворить, он в роте посторонний. Отвечать же тебе, полковник, придется.

Но, может быть, знали все в свите, что старший лейтенант роту приведет без всяких происшествий. Знали, что не будет старший лейтенант ломать полковничью судьбу.

А мог бы...

6

Так часто бывает — хлестнут дивизию плетью боевой тревоги, вырвется она на простор, а ее обратно возвращают. Глубокий смысл в этом. Так привычка вырабатывается. На настоящее дело пойдут дивизии как на обычные учения — без эмоций. А заодно и у противника бдительность теряется. Вырываются советские дивизии из своих военных городков часто и внезапно. Противник на это реагировать перестает.

Дороги танковыми колоннами забиты. Ясно, что отбой дали всей дивизии одновременно. Кто знает, сколько дивизий сегодня по боевой тревоге было поднято, сколько их сейчас в свои военные городки возвращается! Может, одна наша дивизия, может, три дивизии, а может быть и пять. Кто знает, может, и сто дивизий были одновременно подняты.

У ворот военного городка оркестр гремит. Командир полка нашего, батя, на танке стоит — свои колонны встречает. Глаз у него опытный, придиричивый. Ему взгляда одного достаточно, чтобы оценить роту, батарею, батальон и их командиров. Ёжатся командиры под свинцовым батиным взглядом. Здоровенный он мужик, портупея на нем на последние дырочки застегнута, еле сходится. А голенища его исполинских сапог сзади раз-

резаны слегка, по-другому не натянешь их на могучие икры. Кулачище у него размером с чайник. И этим кулачищем он машет кому-то — наверное, командиру третьего мотострелкового батальона, бронетранспортеры которого сейчас втягиваются в прожорливую горловину ворот. Вот минометная батарея этого батальона прошла через ворота, и теперь моя очередь. И хотя я знаю, что все мои танки идут за мной, и хотя все равно мне теперь, идут они за мной или нет, ибо я им больше не командир, я в самый последний момент оглядываюсь: да, все идут, не отстал ни один. Командиры всех танков ловят мой взгляд. А я снова резко вперед поворачиваюсь, правую ладонь к черному шлему бросаю, и командиры всех остальных девяти танков четко повторяют это древнее воинское приветствие.

Командир полка все еще кричит что-то обидное и угрожающее вслед колонне третьего батальона и, наконец, поворачивает свирепый взгляд свой на мою роту. Горилла лесная, атаман разбойничий, кто твой взгляд выдержать может? Встретив взгляд его, я вдруг неожиданно для себя самого принимаю решение этот многотонный взгляд выдержать. А он кулачище свой разжал, ладонь широченную, как лопата — к козырьку. Не каждому батя на приветствие приветствием отвечает. И не ждал я этого. Хлопнул глазами, заморгал часто. Танк мой уж прошел мимо него, а я голову назад — на командира смотрю. А он вдруг улыбнулся мне. Роба у него черная, как негатив, и оттого улыбка его белозубая всей моей роте видна и, наверное, гаубичной батарее, которая следом за мной идет, которую он сейчас кулачищем своим приветствовать будет.

Эх, командир! Не знаешь ты, что я не ротный уже. Сняли меня, командир, с роты. Сняли с позором. Вро-

де как публично высекли. Это, командир, ничего. Думаешь, скулить буду? Да никогда в жизни. Я улыбаться буду. Всегда. Всем назло. Радостно и гордо. Вот как тебе сейчас, командир, улыбаюсь. Роту я скоро новую получу. Нехватка офицеров, сам знаешь. Жаль только с моими азиатами расставаться. Уж очень хорошие ребята подобрались. Ну, ничего, переживем. С меня и того достаточно, что полк вовремя по тревоге выход начал, что ты, командир, с полка не слетел. Стой тут и маши своим кулачищем. На то ты тут и поставлен. И не надо нам никакого другого командира в полку. Мы, командир, нрав твой крутой прощаем. И, если надо, пойдём за тобой туда, куда ты нас поведешь. И я, командир, пойду за тобой, пусть не ротным, так взводным.

А могу и простым наводчиком.

7

По возвращении боевой машины в парк что должно быть сделано в первую очередь? Правильно. Машина должна быть заправлена. Исправная или поломанная, но заправленная. Кто знает, когда новая тревога грянет? Каждая боевая машина должна быть готова повторить все сначала и в любую минуту. И оттого опять гудит парк. Сотни машин одновременно заправляются. Каждому танку — минимум по тонне топлива. И бронетранспортеры прожорливы. И артиллерийские тягачи. И все транспортные машины заправки требуют.

Заправив машину топливом и маслом, пополняй боекомплект. Снаряды танковые по тридцать килограммов каждый. Сотни их подвезли. Каждая пара снарядов — в отдельном ящике. Каждый ящик нужно с транспортной машины аккуратно спустить. Аккурат-

но — потому как может грохнуть. Снаряды из ящиков вытащим, осмотрим, чтоб без повреждений были, упаковку с каждого снимем, заводскую смазку сотрем, и — в танк его.

Патроны — тоже в ящиках. В каждом — две запа-янных цинковых коробки по 440 штук. Патроны нужно в ленты снарядить. В ленте пулеметной 250 патронов. Потом ленты нужно в магазины заправить. В каждом танке 13 магазинов. Теперь все стреляные гильзы нужно собрать, уложить в ящики, сдать на склад. Стволы позже чистить будем. По очереди, всем взводом каждый танковый ствол, по многу часов каждый день, повторяя много дней подряд. Но сейчас пока стволы маслом зальем. А вот теперь танки нужно помыть. Это грубая мойка. Основная мойка и чистка будет потом.

Теперь бойцов нужно накормить. Обед не было сегодня, потому обед совмещен с ужином. После ужина всех на техническое обслуживание. К утру все проверить нужно: двигатели, трансмиссии, подвеску, ходовую часть. В четвертом танке торсион сломан на левом борту. В восьмом оборачивающийся редуктор барахлит. А в первой танковой роте два двигателя сразу менять будут.

Спать сегодня ни роте моей, ни батальону, ни полку, ни всей дивизии много не выгорит. Кто где сна кусочек урвет, тем и будьте довольны. Ибо с утра — общая чистка стволов. Чтобы все готово было! Сокрушу!

И вдруг чувствую пустоту под сердцем. И вдруг вспомнил я, что не придется мне с утра в моей роте проверять качество обслуживания. Может быть, и не пустят меня завтра вообще в танковый парк. Знаю, что все документы на меня уже готовы и что официально снимут меня не завтра утром, а уже сегодня вечером.

И знаю, что положено офицеру на снятие идти в блеске, не хуже, чем за орденом. И рота моя это знает. И потому пока я с заправщиками ругался, пока ведомости расхода боеприпасов сверял, пока под третий танк лазил, уже кто-то и сапоги мне до зеркального блеска отполировал, и брюки выгладил, и воротничок свеженький пришил. Сбросил я грязный комбинезон, и быстро в душ. Брился долго и старательно. А тут и посыльный из штаба полка.

8

Гремит парк. Через ворота разбитый бронетранспортер тягач тянет. Гильзы стреляные звенят. Гудят огромные «Уралы», доверху пустыми снарядами ящиками набитые. Электросварка салютом брызжет. Все к утру должно блеснуть и сиять. А пока грязь, грязь кругом, шум, грохот, как на великой стройке. Офицера от солдата не отличишь. Все в комбинезонах, все грязные, все матерятся. И идет среди этого хаоса старший лейтенант Суворов. И умолкают все. Чумазы танкисты вслед мне смотрят. Ясно каждому — на снятие старший лейтенант идет. Никто не знает, за что слетел он. Но каждый чувствует, что зря его снимают. В другое бы время и не заметили старшего лейтенанта в чужих ротах, а если и заметили, то сделали бы вид, что не заметили. Так бы в двигателях и ковырялись, выставив промасленные задницы. Но на снятие человек идет. И потому грязной пятерней под замусоленные пилотки приветствуют меня чужие, незнакомые танкисты. И я их приветствую. И улыбаюсь. И они мне улыбаются: мол, бывает хуже, крепись.

За стенами парка — военный городок. Каштаны в три обхвата. Новобранцы громко, но нестройно песню орут. Стараются, но неуклюжи еще. Лихой ефрейтор по-

крикивает. Вот и новобранцы меня приветствуют. Эти еще телята. Эти еще ничего не понимают. Для них старший лейтенант — это очень большой начальник, гораздо выше ефрейтора. А что как-то особенно сапоги у него блестят, так это, наверное, праздник у него какой-то...

Вот и штаб. Тут всегда чисто. Тут всегда тихо. Лестница мраморная. Румыны до войны строили. Ковры во всех коридорах. А вот и полуовальный зал, залитый светом. В пуленепробиваемом прозрачном конусе — опечатанное гербовыми печатями знамя полка. Под знаменем часовой замер. Короткий плоский штык дробит последний луч солнца, рассыпает его искрами по мрамору. Я приветствую знамя полка, а часовой под знаменем не шелохнется. Он ведь с автоматом. А вооруженный человек не использует никаких других форм приветствия. Его оружие и есть приветствие всем остальным.

Посыльный ведет по коридору к кабинету командира полка. Странно это. Почему не к начальнику штаба?

Стукнул посыльный в командирскую дверь. Вошел, плотно закрыв дверь за собой. Тут же назад вышел, молча уступив дорогу: входите.

За командирским дубовым столом незнакомый подполковник небольшого роста. Этого подполковника я сегодня в свите проверяющего полковника видел. Что за черт! Дивлюсь, где же батя, где начальник штаба? И почему подполковник в командирском кресле сидит? Неужели по своему положению он выше нашего бати? Ну конечно, выше. Иначе не сидел бы за его столом.

— Садитесь, старший лейтенант, — не слушая рапорта, предлагает подполковник.

Сел. На краешек стула. Знаю, что сейчас громкие слова последуют, и оттого вскочить придется. Оттого спина у меня прямая. Вроде в строю стою, на параде.

— Доложите, старший лейтенант, почему вы улыба-
лись, когда вас полковник Ермолов с роты снимал.

Смотрю на подполковника, на свежий воротничок
на уже не новой, но чистенькой и выглаженной гимна-
стерке. А что ответишь?

— Не знаю, товарищ подполковник.

— Жалко с ротой расставаться?

— Жалко.

— Рота твоя мастерски работала. Особенно в конце.
А со стенкой все согласны: ее лучше сломать, чем полк
под удар поставить. Стенку восстановить нетрудно...

— Ее уже восстановили.

— Вот что, старший лейтенант. Зовут меня подпол-
ковник Кравцов. Я начальник разведки тринадцатой
армии. Полковник Ермолов, снявший тебя с роты, ду-
мает, что он начальник разведки. Но он смещен, хотя об
этом еще не догадывается. На его место уже назначен я.
Сейчас мы объезжаем дивизии. Он думает, что прове-
ряет, а на самом деле это я дела принимаю, знакомлюсь
с состоянием разведки в дивизиях. Все его решения и
приказы никакой силы не имеют. Он распоряжается
каждый день, а по вечерам я представляю свои доку-
менты командирам полков и дивизий, и все его при-
казы теряют всякую силу. Он об этом не догадывается.
Он не знает, что его крик — не более чем лесной шум.
В системе Советской Армии и всего нашего государ-
ства он уже ноль, частное лицо, неудачник, изгнанный
из армии без пенсии. Приказ об этом ему скоро объ-
явят. Так что его приказ о смещении тебя с роты ника-
кой силы не имеет.

— Спасибо, товарищ подполковник!

— Не спеши благодарить. Он не имеет права тебя
отстранить от командования ротой. Поэтому я тебя от-

страняю. — и, сменив тон, он тихо, но властно сказал: — Приказываю роту сдать!

У меня привычка давняя встречать удары судьбы улыбкой. Но удар оказался внезапным, и улыбки не получилось.

Швырнул я ладонь к козырьку и четко ответил:

— Есть сдать роту!

— Садись.

Сел.

— Есть разница. Полковник Ермолов снял тебя, потому что считал, что роты для тебя много. Я снимаю тебя, считая, что роты для тебя мало. У меня для тебя есть должность начальника штаба разведывательного батальона дивизии.

— Я только старший лейтенант.

— Я тоже только подполковник. А вот вызвали и приказали принять разведку тринадцатой армии. Я сейчас не только принимаю дела, но и формирую свою команду. Кое-кого я за собой перетащил со своей прежней работы. Я был начальником разведки восемьдесят седьмой дивизии. Но у меня теперь хозяйство во много раз больше, и мне нужно много толковых исполнительных ребят, на которых можно положиться. И штаб разведывательного батальона — это минимум. Я попробую тебя и на более высоком посту. Если справишься...

Он смотрит на часы.

— Двадцать минут на сборы. В двадцать один тридцать отсюда в Ровно, в штаб тринадцатой армии, пойдет наш автобус. В нем будет место и для тебя. Я заберу тебя к себе в разведывательный отдел штаба тринадцатой армии, если завтра сдашь экзамены.

Экзамены я сдал.